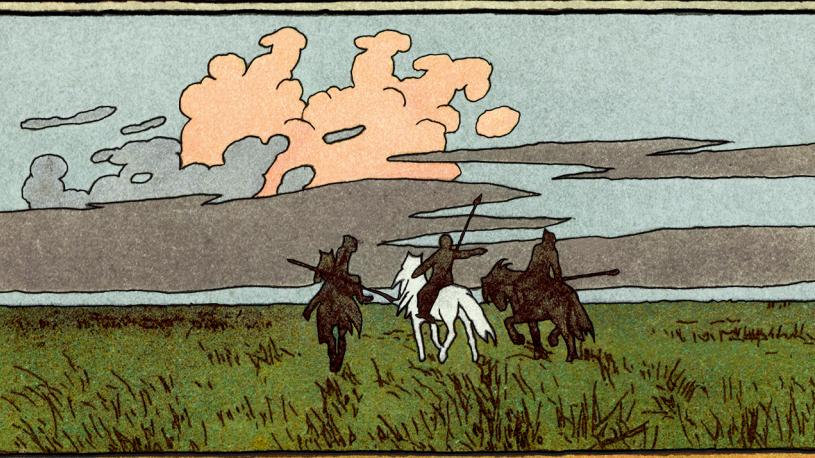
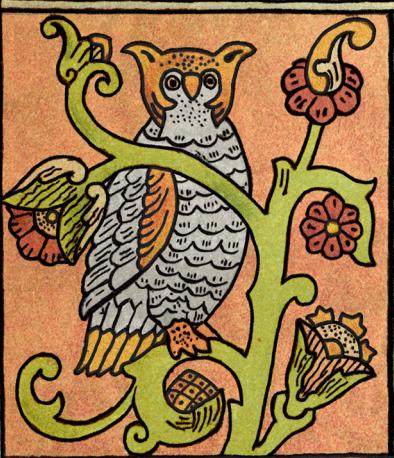
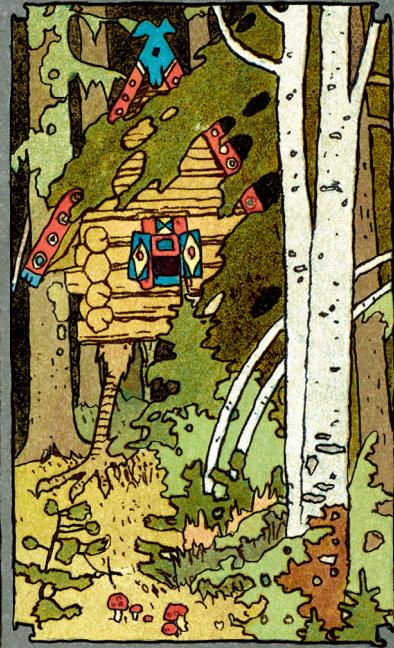
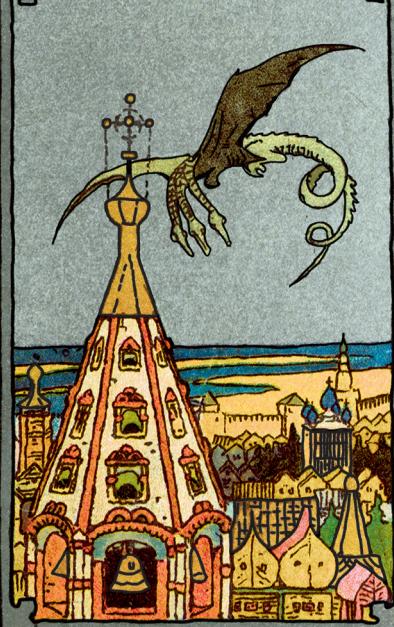

СКАЗКИ

ВОЛЬГА

Рисунки
И. А. Билибина.

ЗОЛОТОЙ ВЕК КНИЖНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ

Иван Яковлевич Билибин (1876–1942) — выдающийся русский художник, мастер книжной графики и театрально-декоративного искусства. Особенную популярность завоевали его иллюстрации к русским народным сказкам и былинам, к сказкам А. С. Пушкина, воссоздающие красочный мир отечественной старины и фольклора. Используя декоративные приемы древнерусского и народного искусства (вышивки, лубки, иконы), художник создал свой собственный «билибинский» графический почерк.

Этой книгой Билибин начал незаконченную серию изданий русских былин, в которых он хотел воссоздать главные страницы русского эпоса. Основой их стали работы, выполненные в 1902–1904 годах во время его этнографических экспедиций по русскому Северу.

В иллюстрациях к «Вольге» подвиги и приключения богатырей изображены на фоне панорам северных ландшафтов, с синими лентами рек, с монастырями, обнесенными деревянным частоколом. Причудливо переплетены мотивы древней Руси и экзотической Индии. Столица неведомой страны окружена стенами, похожими на стены Соловецкого монастыря, а восточные царь и царица помещены в русскую избу, уставленную резными лавками.

Книга «Вольга» была издана «Товариществом Р. Голике и А. Вильборг» в 1904 году. Типография была образована 18 июня 1902 года. Фирме удалось привлечь к работе художников объединения «Мир искусства». Это позволило «Голике и Вильборг» издавать книги высочайшего полиграфического уровня.

Полиграфическая продукция «Товарищества Р. Голике и А. Вильборг» неоднократно удостаивалась высших наград на отечественных и зарубежных выставках: в Дрездене (1909), Турине (1911), на выставке «Искусство в книге и плакате» в Петербурге (1912).

Товарищество «Р. Голике и А. Вильборг» процветало вплоть до 1917 года, его называли «купелью санкт-петербургской школы книжной графики». В 1918 году, после Октябрьской революции, Вильборг и Голике эмигрировали в Германию, а их «Товарищество» было национализировано. Тогда же предприятие получило название «15-я Государственная типография», а с 1922 г. — «Типография им. Ивана Федорова».

О Т П Е Ч А Т А Н О
Типография "Спальву слеснис"
Геджинио Вилко ул. 2,
LT-03150 Вильнюс, Литва

ISBN 978-5-9603-0289-0
ISBN 978-609-456-169-6

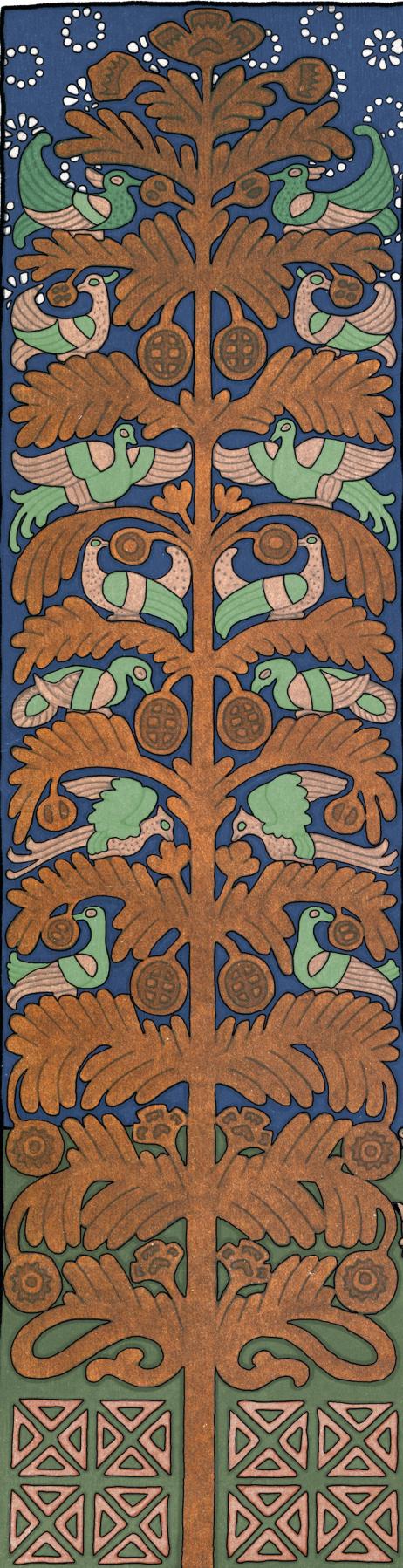
© ООО «СЗКЭО», 2014
© BESTIARY, 2014

БИЛИНЬ.

ВОЛЬГА:

РИСОВАЛ * * *
И. А. БИЛИВИН.

ИЗДАНИЕ * * *
И. И. БИЛИВИНА.
ПЕТРОГРАД · 1909 ·

И. В. 1909

Давно-давно это было, так давно, что даже самые старые люди не запомнят, а знают только понаслышке от своих дедов да прадедов... Где теперь города стоят, где села да деревни пестреют, — тогда почти сплошь тянулись леса, такие густые да дремучие, что зачастую в этих лесах нельзя было ни пешком пройти, ни верхом проехать: глубокие могучие реки растекались во все стороны, по берегам же их раскинулись такие широкие поля, что и глазом их не окинуть. Повсюду овраги да ямы, а в этих оврагах змеи да гады всякие. Дорог одна-две да и обчелся, и дороги-то прокладывались не по-нынешнему: прорубят в лесу просеку, забросают хворостом овраги, где ручей случится — шаткий мост на столбиках перекинут, а через реку на скорую руку перевоз заведут — вот и путь готов...

А в лесах-то всякого зверя кишмя кишело: и медведей, и лисиц, и волков, и туров рогатых с косматой гривой, и вепрей без рогатины да без лука нельзя было и в путь выехать. Но не одного зверя боялся проезжий: бродили по дорогам разбойники, нечисть всякая, и змеи горынчи, и колдуны, и оборотни... Кто выезжал из дома, тому уж приходилось трусость за печью оставлять...

Тогда, впрочем, и люди-то были иные, не нынешним чета: жили тогда на свете богатыри да витязи, славились они своей непомерной силой, удальством, молодечеством — про них прошла молва по всей земле русской, долетела и до нас, даром, что с тех пор столько веков утекло. Стоит высоко на небе широкий двор, такой, что глазом не окинуть, вокруг него железный тын с золотыми маковками, на каждой маковке блестит по жемчужине. Посреди этого чудного двора три терема: один весь из чистого золота, другой — из чистого серебра, а третий — хрустальный.

В золотом тереме живет свет красное солнышко, в серебряном — светлый месяц, а в хрустальном — детки их, частые звездочки. Солнышко всему жизнь дает, всех греет, всем улыбается — месяц светлый выглядывает в темную ночь из своего серебряного терема и осветит темные дебри лесные, реки широкие, дороги проезжие — запоздалый путник спешит домой под его мягкими добрыми лучами и воздает славу государю месяцу пресветлому. А детки их, звездочки белые, приветливые, с ясными зорьками играют, студеной росой умываются...

Любило ясное солнышко людей — заботилось о них, зато и от людей были ему и почет, и слава. Лишь только засветит оно по-весеннему, с полудня, люди спешат в честь его костры зажигать: собираются в лесу под дубом, на горке и начнут песни петь, плясать — старший из них наточит нож, зарежет козла и сожжет его на костре в честь солнца, а молодежь между тем хоровод водит, солнышко в песнях умаливает, чтобы оно милостиво взглянуло на рожь с корнем глубоким, с хлебом обильным, чтобы оно принесло им радость и веселье... Проглянет солнышко ярким лучом с неба, и всем станет радостно, а скроется за темной тучей, нахмурится небо, подует холодом с севера, и люди затоскуют, слезами обливаются, поют: Солнышко, ведрышко! Выгляни в окошечко, Твои детки плачут...

Ушло красное солнышко в свой златоглавый терем, вышел на небо светлый месяц, рассыпалась по небу детки — частые звездочки... народился на земле могучий богатырь Вольга Буслаевич. Вся земля содрогнулась, всколебалась, всколыхнулось синее море — звери разбежались, кто куда мог: рогатые туры и быстроногие олени попрятались в горы; волки и медведи разбросались по ельнику; куницы и соболя на острова уплыли; зайцы, лисицы в чащу забились; птицы полетели высоко в поднебесье; рыба вглубь ушла — все зачудяли, что родилось не простое

дитя, что лежит в колыбельке из дорогого рыбьего зуба, под шелковым пологом, могучий витязь.

Мать его, молодая княгиня Марфа Всеславьевна, на него не налюбуется, пеленает его в дорогие пелены, свивает шелковым поясом, баюкает на груди своей, поет ему тихие, колыбельные песни. Вольга растет не по дням, а по часам. Только полтора часа и полежал он в колыбели. Пролетели полтора часа, как одна минута, а уж он вырос на целые полтора года — никто его еще и лепетать не учил, а уж он сам собой говорить научился и сказал княгине:

— Родимая матушка, не пеленай ты меня в пелены, не вяжи поясами шелковыми, пеленай ты меня в латы железные, на голову надевай мне шлем из чистого золота, а в руки дай мне тяжелую палицу.

Дивуется на него мать, а он растет себе да растет... В семь лет стал он таким богатырем, каких мало.

Стали его грамоте учить — научился он и читать, и писать, всем хитростям да мудростям, да языкам разным заморским — скоро и учителей своих перегнал. Пришел он к матери.

— Родимая, — говорит, — мало мне того, чему меня учителя научили, хочу я и другим премудростям выучиться: чтобы мог я, когда вздумаю, обернуться ясным соколом, по поднебесью летать, ясное солнышко вблизи видеть; чтобы умел я скинуться серым волком, пробраться в чащу заповедных лесов, или буйным туром золотые рога, меряться силой со всяkim зверем.

Отпустила его мать к ведунам, волхвам, научился он от них всяким премудростям, в два года все понял, все уразумел, чего другому бы и на всю жизнь хватило. Окреп Вольга, вырос, почувствовал в себе силу и стал скликать дружину.

Целых три года собирались к нему молодые витязи, кто с полуночи, с севера, кто с полудня, с юга. Все такие же рослые, крепкие, как он сам. Набралось их двадцать девять человек, а сам Вольга — тридцатый. Всем им только что исполнилось по пятнадцать лет, у всех у них добрые, верные кони, меткие стрелы, острые мечи, а главное — удаль молодецкая. Горят у них молодецкие сердца, хочется показать свою силу да храбрость, хочется добыть себе такой славы, чтобы прогремела она по всей земле Русской!

Простился Вольга со своей матерью и выехал с дружиной в чистое поле. Не ехали за ними ни повозки с припасами, ни повара с поварятами, не везли они с собою ни постелей, ни запасов, ни челяди.

Зачем храбрым витязям все это? У них в колчанах довольно стрел, чтобы бить птиц да мелких зверей, а на большого зверя каждый из них готов выйти один на один с железной палицей, а то и с дубиной.

Постели? К чему им постели — они умеют спать и на голой земле с седлом под головой вместо подушки. У пояса есть у них огниво: высечь огня да развести костер в поле, можно и отогреться, и испечь дичину на угольях, а запить студеной водой из любого ручья.

Гуляют витязи по чистому полю и день, и два... Посыпает Вольга своих молодцев наловить мелких зверей в лесу:

— Гей вы, дружинушка храбрая, вейте веревочки шелковые, ставьте силки по темному лесу, ловите куниц, лисиц, черных соболей.

Разбрелись они, рассыпались... Ждет-пождет Вольга три дня и три ночи, приезжают все с пустыми руками:

— Не попалась нам ни одна куница, не повстречалась ни одна лисичка, не запутался в тенетах ни один горностайко.

Ударился Вольга оземь, оборотился могучим львом, в три прыжка скрылся в самой чаще леса и живо наловил всякого зверя: и буйного тура рогатого, и куниц, и соболей, и барсов, и лисиц, и медведей; не побрезговал и зайкой сереньким — всего понабрал.

Поделили они добычу, попировали, и опять посыпает Вольга своих витязей:

— Наставьте вы силков в лесу, наловите птиц, гусей, лебедей, соколов да ястребов, а я буду ждать вас три дня и три ночи...

Рассыпались витязи по лесу, наставили сетей да силков, думали много поймать, а не добыли даже и мелкой пташки. Воротились они, повесив головы, к Вольге, а он их утешает:

— Не кручиньтесь, будет у нас всякая птица...

Ударился оземь и скинулся Науй-птицей. Поднялся высоко-высоко, как стрела налетел на всякую птицу, большую и малую. Бьет он гусей, белых лебедей, не дает спуску и малым серым утицам, только пух от них летит по поднебесью...

Вернулся он к витязям с такой добычей, какая им и во сне не чаялась. Надолго хватило им, а как вышел запас, посыпает их Вольга опять:

— Витязи мои верные, возьмите-ка вы топоры, стройте дубовое судно, забросьте-ка в море шелковые неводы, наловите рыбы, осетрины, белужины, три дня, три ночи буду я вас поджидать...

Забросили витязи неводы, а рыба-то вся вглубь забралась, сидит на дне да над молодцами подсмеивается: «коротки, мол, руки у вас, не дстанете». Сидели-сидели они у моря, просидели три дня, три ночи, ни одной плотички, ни одного лещика не поймали.

Воротились к Вольге, не смеют и глаз на него поднять, а он уж все знает.

— Что, — говорит, — плохой лов? Ну, не тужите, я вам всего дстану...

Обернулся щукой зубастой, нырнул в самую глубь, погнался за всякой рыбой, наловил и стерлядей, и осетров, и белуг, и севрюг — хватило им надолго. Поит, кормит Вольга свою дружину храбрую, одевает их, обувает по-княжески: носят они шубы соболиные, переменные шубы барсовые. Дружина на него надивиться не может, не знает, как его удачу и расхваливать.

Просыпал Вольга, что турецкий царь Салтан Бекетович собирается идти войной на Русь православную — разгорелось его сердце молодецкое, захотелось ему посчитаться с ним.

— Дружинушка моя храбрая! кто из вас сослужит мне верную службу, обернется гнедым туром, сбегает в Золотую орду, узнает, что царь Салтан замышляет, о чем он советуется со своей женой Давыдьевной?

Молчит дружина, ни один удалый молодец не вызывается, прячутся они друг за друга: старший за среднего, средний за младшего, а младший и рта открыть не смеет.

Подождал Вольга, да и говорит:

— Видно уж мне самому приходится идти в Золотую орду. Ждите меня, витязи, я живо слетаю и разведаю про царя Салтана.

Обернулся Вольга маленькой пташкой, полетел в Золотую орду, сел на окошко к царю Салтану и стал подслушивать. И слышит, как царь Салтан говорить своей жене Давыдьевне:

— Я пойду на Ру́сь, возьму девять городов, раздам девятым сыновьям, а сам сяду в Ки́еве...

— Не бывать тебе на Ру́си, — отвечает Давы́дьевна, — не взять и девяти городов, не видать и Ки́єва: народился там такой богаты́рь, что тебе с ним не совладать, а зовется он Вольго́й Буслаеви́чем.

Рассердился ца́рь Салтан, ударили царицу о кирпичный пол, а Вольга обернулся горностаем, пробрался в подвалы и погреба царские, да и перепортил все оружие: тетивы у тугих луков перегрыз, железа у каленых стрел побросал. Потом обернулся еще серым волком, пробрался в конюшни и там передушил всех коней, затем полетел он снова маленькой пташкой к дружины, разбудил своих добрых молодцев и повел их на ца́ря Салтана.

Подошли они к Золотой орде, а вокруг стоит высокая каменная стена — ворота у нее железные, засовы медные, у ворот стоят часовые день и ночь, а подворотня из дорогого рыбьего зуба такая маленькая, что только мурашику в нее пролезть.

— Как же мы теперь попадем в Салтаново царство? — растужилась дружина.

А Вольга не кручинится: ударился оземь, стал мурашиком и всех своих добрых молодцев, а их было до семи тысяч, обернул тоже мурашиками. Все они и проползли в подворотню. Как встали по ту сторону стены, обернулись снова витязями с конями и с оружием. Прошли они по всей Золотой орде, стали рубить да колоть, да жечь, так и перевели всю силу Салтанову. Сам Салтан в свой дворец убежал, за железными дверьми, за стальными пробоями спрятался. Вольга захотел потешить свою удаль, хватил ногой в дверь, все запоры повышиб и вошел к Салтану.

— Вас не бьют, не казнят! — сказал он и так ударили его о кирпичный пол, что Салтан в крохи расшибся. Поделил тогда Вольга все богатство Салтаново между своей дружиной: много они добыли и золота, и серебра, и дорогого оружия, и коней, и разноцветных тканей. Не нахвалится дружина своим князем, да и есть чем: всегда она у него сыта, и одета, и обута, а слава о ней по всему свету прошла, до наших дней дожила.

ISBN 978-609-456-169-6

9 786094 561696 >

EAC

6+